

Глава 2: Утро вечера мудренее.

- Эй, большой мальчик... - Сексуальный, зрелый голос соблазнительно мурлыкал.

- Как насчет того, чтобы встать и уделить мне немного внимания, прежде чем ты уйдешь, мне одиноко... - снова зазвучал этот полный похоти тембр.

Фигура, завернутая в одеяло, слегка пошевелившись и прислонилась к стене.

Старая комната производила довольно ветхое впечатление, словно номер мотеля в стиле 70-х годов, с изношенным розовым ковром, телевизором с трубками и ковровым покрытием на стенах средней высоты. Деревянная четырехспальная кровать стояла в углу напротив окна, выходящего на тихую улицу. Кремовый цвет стен ужасно сочетался с коричневыми занавесками и мало способствовал тому, чтобы комната выглядела веселой.

Из-под одеяла послышался негромкий стон: фигура начала ворочаться, рассерженная тем, что ее прервали.

- ДЕТКА!?! Давай, мне это нужно, прямо сейчас. - Женский голос стонал. - Просто скользни сюда и положи эти руки на меня. Положи на меня свои сильные руки и засунь эти пальцы куда хочешь.

К этому времени комок на кровати проснулся и застонал, неохотно переворачиваясь, чтобы решить эту маленькую проблему.

- Обещаю, я не буду двигаться. Я просто хочу, чтобы ты сделал мне приятно. Давай, ты играл со мной всю прошлую ночь. Пора еще немного пошалить, пока ты не ушел. - Она хныкала, явно бросая вызов движущемуся комку.

- О, я сделаю это так сильно, что ты не сможешь больше ничего сказать этим утром, - ответил удивительно молодой голос, прежде чем протянуть руку и нажать кнопку отключения будильника на своем телефоне.

«Почему я реагирую на будильник своего телефона, - подумал про себя Лаз. - Неужели я такой жалкий?».

Встав с кровати в одних трусах, Лаз лениво оглядел комнату и направился к шкафу, стараясь не задеть дешевую подставку, на которой стоял телевизор. Его чрезмерно худое, бледно-белое тело было лишь слегка мускулистым и не отличалось грацией.

В маленькой комнате стояли только кровать и телевизор, а также уродливый торшер в виде пальмы. Взяв одежду из кучи на полу, Лаз прошел в ванную комнату и включил воду в ванной, после чего посмотрел на себя в зеркало.

Его небольшой рост в 1,8 метра прекрасно подчеркивали безжизненные коротко стриженные черные волосы и обычные черты лица. Единственное, за что он мог поставить себе хорошую оценку, это глаза. Они были глубокого и пронзительного синего цвета, из-за которого большинство людей не могли долго смотреть в них. Да и не так уж много людей хотели этого.

Полное имя Лаза было Лазарь Кроу. Его родители были довольно эксцентричными людьми, любящими природу, и считали, что Лазарь - прекрасное имя для ребенка.

Лаз - это то, что он придумал после того, как над ним смеялись в течение нескольких первых

школьных лет. Он почти ничего не мог поделать с тем, что носил такую же фамилию с человеком, который прославился на юге США своими удивительными законами о расовой сегрегации.

В этом году ему исполнилось всего 14 лет, и его довольно странной жизненной ситуации большинство могло бы позавидовать. Жить одному, пусть даже в довольно убогой квартире, - мечта любого подростка. Однако Лаза нельзя было назвать счастливым.

Нахмурившись, Лаз снял боксеры и запрыгнул в ванну, жалея, что в ней нет душевой лейки. Как только его ноги коснулись воды, квартира вдруг ожила, издав громкое «ЧЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕРТ!!!!».

Вода была ледяной. После пяти минут работы вода должна была уже хотя бы нагреться, но, видимо, водонагреватель снова сломался. Стук в стену напомнил Лазу о том, что он был один в квартире, но не в здании.

- Лаз, говори тише. Твоя бабушка спит, - раздался голос из квартиры этажом ниже, где жил его дедушка.

Старик Кроу владел квартирой под названием «Хижина», в которой жил Лаз. В комплексе из 18 квартир было только 4, которые использовались. Лаз жил в квартире 9, а его дед - в квартире 1, рядом с подъездом, который вел к парковке. Когда здание было построено, наличие парковки на улице было бонусом, но теперь это был еще один расход, который дед должен был нести.

- Понял, дедушка, - крикнул Лаз.

Он только вздохнул про себя, зная, что сегодня был день, когда его бабушка была «жива». Она была похоронена почти 6 лет, и, хотя дедушка знал это, у него тоже были дни, когда об этом забывал. Тяжелые дни тоже случаются. Лаз не особо беспокоился о плохих днях. Он знал, что это цена, которую он платит. Пока дедушка был в порядке, он мог продолжать оставаться здесь. Если бы с ним что-то случилось, его, скорее всего, забрали бы в CPS. Он еще не был достаточно взрослым, чтобы жить самостоятельно, по крайней мере, по государственным стандартам.

Стиснув зубы, Лаз присел на корточки и опустил голову под кран, чтобы промыть волосы. Ледяная вода иглами впивалась в кожу головы, отчего казалось, что голова болит сильнее всего на свете, но он терпел. Несмотря ни на что, он всегда терпел. Быстро вымыв остальные части тела, Лаз вылез из ванны и потянулся за полотенцем, которого там не было. Смахнув воду с глаз, он понял, что вчера оставил его на полу возле ванной. Отодвинув в сторону занавеску, разделявшую комнаты, Лаз потянулся вниз, чтобы взять полотенце, и не успел он это осознать, как его правая нога соскользнула назад, толкнув его вперед. Ударившись лбом об пол, Лаз издал приглушенное «Черт побери» и перевернулся лицом к потолку. Пульсирующая боль вперемешку с ярким солнечным светом из окна, бьющим в глаза, никак не способствовала улучшению дня.